

боша языцы в пагубе, юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их» (пс. 9, ст. 16).¹⁶

Вся дальнейшая часть речи Стефана состоит из псалмов, использующихся, за исключением 55 и 56, почти без изменений.

Писатель подбирает те стихи, которые могут так или иначе характеризовать состояние Стефана и язычников-пермян. Например: «... в делех руку своею увязе грешник (пс. 9, ст. 17), делом руку своею поклонишася кумиром, ни увидеша ни разумеша во тме ходяще» (пс. 81, ст. 5, 6).¹⁷ Для того чтобы теснее связать псалмы со своим произведением, Елифаный вставляет свои слова «поклонишася кумирам» и продолжает изложение опять цитатами: «... помянутся и обратятся к господу вси концы земля и да поклонятся пред ним, вся отечествна язык, ако господне есть царствие и тои обладает языки, вси бо языцы елико сотворил еси, господи, придут и поклонятся пред тобою, господи, и прославят имя твое во век и жива будут сердца их в век века. Ты, господи, заступник мой еси, слава моя превознося главу мою» (пс. 21, ст. 28, пс. 85, ст. 9—10, пс. 21, ст. 27, пс. 3, ст. 4).¹⁸ Цитат становится все больше, ими передается душевное волнение Стефана, из них состоят призывы Стефана о помощи, писатель нагнетает цитаты казалось бы без меры, но в какой-то определенный момент Елифаный снова прерывает цитирование и Стефан произносит молитву своими словами: «Помози ми, господи, боже мой, и спаси мя милости твоя ради. Господи, спаси же, господи, поспеши в благовествовании, помози ми, господи и пособи обратити люди сия и привести ся к тебе...».¹⁹ Просьба Стефана распространена до того, что не остается никаких вариантов, и тогда автор произведения вводит в текст снова цитату, которой Стефан убеждает господа, ссылаясь на его же слова: «... сам бо рекл еси, господи; и ины овца имам, я же не сут от двора сего и тех ми подобает привести и глас мой услышат и будет едино стадо един пастух».²⁰ Писатель использует в данном случае цитату из Евангелия от Иоанна (10, ст. 16), более торжественную, чем цитаты из Псалтыри, подводящую итог всей молитве подвижника.

Так же как начиналась тирада с прямой цитаты, так и закончилась она традиционным для житийной литературы изречением о пастухе и стаде христовом.

Обращает на себя внимание чередование близких по значению цитат. Так, в житии читаем: «Господь мне помощник и не убоюся, что сотворит мне человек», «Не убоюся от тем людий, нападающих на мя окрест и враждующих мне всеу», «Елма же в печали моеи призвах господа», «В печали же такоуе яко в тузе огненеи и акы посреди нестерпимаго пламени стоя»; «Господи, пред тобою все желание мое», «Желание мое се есгь»²¹ и т. д.

Все цитаты в сущности выражают одно и то же и вместе с тем разное. Можно сказать, что основная мысль писателя как бы конкретизируется различными цитатами. Такого рода чередование близких по смыслу цитат перекликается с явлением стилистической симметрии²² и представляет безусловно вид стилистической амплификации.

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 20—22.

²² См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 168.